

Г.С. Маслова

**Орнамент русской народной вышивки как
историко-этнографический источник**

Как историко-этнографический источник

**Москва
«Книга по Требованию»**

Г11 **Г.С. Маслова**
Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник: Как историко-этнографический источник / Г.С. Маслова – М.: Книга по Требованию, 2023. – 212 с.

ISBN 978-5-458-24124-3

«Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник» - это книга, написанная Г.С. Масловой, которая посвящена историко-этнографическому анализу русской народной вышивки и ее орнамента. В книге автор рассматривает русский народный орнамент как традиционный элемент, который является неотъемлемой частью русского традиционного искусства.

В книге приводится этнографический анализ орнамента русской народной вышивки, исследуется его историческое происхождение и связь с культурой и традициями русского народа. Рассматриваются различные типы русской народной вышивки и описываются особенности их орнамента, объясняются их символические значения и связь с народными обрядами и верованиями.

Книга представляет собой ценный ресурс для исследователей и любителей русской культуры и искусства. Она представляет собой обширный анализ русского народного орнамента и его связи с этнографией и народным искусством. Книга также может быть полезна для дизайнеров и художников, которые могут использовать орнамент русской народной вышивки в своих работах.

«Орнамент русской народной» является ценным источником информации о русской народной творчестве. Книга является не только историческим и этнографическим источником, но и вдохновляющим ресурсом для всех, кто интересуется русским народным искусством.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗАДАЧИ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование традиций бытового искусства народов — одна из важных задач современной этнографической науки. Часть этого искусства — орнамент — связана с назначением, конструкцией тех бытовых предметов, которые он украшает. Один из главных его признаков — ритмическая повторяемость мотивов. Орнамент называют «искусством ритма»¹. Термин «народный» применяют к орнаментальному искусству разных слоев трудового населения — как деревни, так и города. Творчество мастеров и мастериц, имена которых большей частью остались неизвестными, протекало в рамках выработанных народом художественно-декоративных традиций (хотя они не оставались неизменными). Орнаментальные формы отшлифовывались в течение веков народными художниками, представляя результат коллективного творчества.

Народное изобразительное искусство, и орнамент в частности, тесно связаны с бытовым укладом социальной среды его создателей, отражают их отношение к окружающей действительности, представления их о прекрасном. Орнаментальное искусство каждого народа имеет определенные этнические черты, в большей или меньшей степени отличные или сходные с орнаментикой других народов. Являясь элементом культуры народа, связанным с его историческими судьбами, орнамент представляет собой полноценный источник (наряду с другими) для освещения

некоторых вопросов этнокультурной истории.

Богатое русское орнаментальное наследие еще ждет своих исследователей. В советский период сделано немало открытий, опубликовано много интересных статей и книг о различных сторонах русского народного искусства, в частности о вышивке. Однако обобщающих, сводных работ по орнаменту русской народной вышивки, с учетом всего накопленного материала, пока еще нет.

Задача данной работы — создать на основе тщательного изучения, систематизации имеющихся источников обобщающее исследование о вышивке: рассмотреть технику исполнения, сюжеты орнамента, его семантику, генезис некоторых мотивов, определить связи вышивки с социальной средой, а также осветить вопросы этнокультурной истории отдельных групп населения по данным орнамента.

Объект монографии — вышивка XVIII — начала XX в. Исследование охватывает главным образом северные и частично центральные области — территорию расселения северной зоны русского народа (выделяемой по диалектологическим и этнографическим признакам), а также часть переходной полосы, непосредственно примыкающей к северным областям. Это русское население современных Новгородской, Ленинградской, Архангельской, Вологодской, Калининской, Псковской, Костромской, Ярославской, Влади-

мирской, Московской, Горьковской областей, Карелии и др. Ограничение этой территорией обусловлено поставленной задачей — изучения преимущественно изобразительных мотивов в вышивке. *Изобразительным* условно называем сюжетный орнамент. Мотивы — петухи, копы, утки, павы, куклы, барыни, солдаты и т. д. — встречаются в вышивках многих русских областей. Однако наибольшее распространение изобразительные мотивы получили, как известно, в северных и центральных областях европейской части России. По мере необходимости привлекался орнамент южнорусских областей, так как некоторые вопросы невозможно разрешить без рассмотрения русской вышивки в целом².

В круг исследуемых изобразительных орнаментов входят зооморфные мотивы, антропоморфные, растительные, архитектурные, бытовых предметов, небесных светил. Но и геометрический орнамент не мог полностью остаться вне поля зрения исследования, так как все перечисленные типы узоров тесно связаны друг с другом, и один тип орнамента часто переходит в другой. Ограничиться только сюжетной орнаментикой не представляется возможным. Однако геометрический орнамент, богатый и разнообразный, широко представленный в народной вышивке всех регионов (он является основным типом орнамента у южнорусского населения), составляет обширную область орнаментального искусства и должен послужить темой особого исследования.

Народное русское искусство становится объектом специального изучения примерно с середины XIX в., т. е. со времени формирования новых общественных отношений и возросшего интереса к народу и его национальной культуре. Открытие живой эпической традиции на Севере привлекло внимание широкой общественности к русскому народному творчеству. Исследователи фольклора на Севере — П. Н. Рыбников, А. Ф. Гиль-

фердинг, а позднее и другие изучали поэтическое творчество народа. Искусствоведы, художники, являвшиеся одновременно и этнографами (Л. В. Даль, В. В. Суслов, В. В. Стасов, И. Я. Билибин и др.), видели и понимали своеобразие русской народной архитектуры и искусства, призывали их изучать.

Интерес к вышивке и ее исследованию тесно связан с развитием музейного дела в России. Музеи сыграли большую роль в собирании, хранении и изучении народной одежды, ткачества, вышивки, кружева и пр. Большие коллекции накопили центральные музеи: Дашковский этнографический (Румянцевский), пополнившийся коллекциями со Всероссийской этнографической выставки 1867 г. (позднее реорганизованный в Центральный музей народоисследования, а затем в Музей народов СССР в Москве); Государственный Исторический музей, созданный в 1872 г.; Кустарный музей, открытый в 1885 г. Московским земством (теперь Музей народного искусства). В начале XX в. сбор предметов народного искусства проводил созданный в 90-х годах XIX в. Этнографический отдел Русского музея, ныне Государственный музей этнографии народов СССР (в Ленинграде). Большой вклад в собрание коллекций вышивок внесли музеи губернских и уездных городов. Существенное значение имело и частное коллекционирование. Ценная коллекция была составлена известной собирательницей русской старины Н. Л. Шабельской (1880—начало XX в.)³.

Большую роль в изучении русского народного искусства сыграли исследования В. В. Стасова, особенно его книга-альбом «Русский народный орнамент» — первый серьезный научный труд по русской вышивке. В вышивке, по словам В. В. Стасова, сохранились многочисленные оригинальные и характерные «остатки национального русского художества». Русское шитье он рассматривал «как материал для изучения разных сторон древнерус-

ской национальности». Впервые им была подмечена связь сюжетов северной русской вышивки с дохристианскими верованиями. В них он видел «изображения древнего славянского богослужения и праздников русальных»⁴.

В орнаменте вышивки В. В. Стасов выделил финские и персидские влияния, правда сильно преувеличив их, утверждая, что «русская орнаментистика — это позднее эхо орнаментики азиатской»⁵. Общность русских и восточнофинских узоров несомненна для определенной части русских вышивок. Нельзя отрицать и связей с искусством Востока. Но не эти внешние влияния имели решающее значение для формирования характерных особенностей орнамента русской вышивки.

Во второй половине XIX—начале XX в. стали появляться публикации образцов русской вышивки, главным образом из частных собраний. — в виде альбомов⁶. В предисловии к альбому вышивок Шацкого у. Тамбовской губ. Ф. Буслаев отмечал сходство этих вышивок с искусством «необозримых степей и дебрей азиатского Востока», с искусством позднеримского времени, Германией языческих времен и, наконец, с искусством древнехристианским и византийским⁷. Поиски широких аналогий орнаменту русской вышивки, без учета его местных корней, носили несколько односторонний характер и приводили к недооценке самостоятельных путей его развития.

Альбом великоленных образцов русского, украинского и белорусского искусства был составлен на основе коллекции Н. Л. Шабельской⁸. Это богато иллюстрированное издание знакомило с русским народным искусством и этнографией в России и за рубежом.

Ценные сведения о вышивке как о ремесле собрали исследователи кустарных промыслов во второй половине XIX—начале XX в.⁹ Однако орнаменту в них уделено мало внимания.

Говоря об изучении русской вышивки в дореволюционный период, можно отметить, что это было время накопления фактов и начало их научного осмысления. Публикации по русской народной вышивке во второй половине XIX—начале XX в. были весьма малочисленны и носили отрывочный характер. Основным обобщающим трудом являлось упомянутое выше исследование В. В. Стасова, оказавшее влияние на последующих авторов.

В советское время начался новый этап в изучении народного искусства, который отличался от предшествовавшего периода методологией исследования, а также новыми формами организации исследовательской работы. 1920-е годы характеризуются развитием краеведческого движения, созданием и бурным ростом музеев, что усилило собирательскую, исследовательскую работу по народному искусству.

Ученые обратились и к изучению русской народной вышивки. Статья археолога В. А. Городцова, опубликованная в «Трудах» Исторического музея, надолго определила пути исследования сюжетного орнамента северной вышивки¹⁰. Посвятив свою работу раскрытию смыслового значения сложных композиций в узорах вышивки, В. А. Городцов увидел в них изображение поклонения великой богини-матери — женскому божеству земли и плодородия. Вместе с тем он указал на археологические параллели этим сюжетам, отыскав в них генетические связи с дако-сарматским искусством первых веков нашей эры.

Значительное место уделено русской вышивке в книге искусствоведа В. С. Воропова. Автор, определяя художественные особенности крестьянского бытового искусства (и вышивки, в частности), подчеркнул его коллективное начало и традиционность, сложный состав его сюжетов и образов. Называя искусство «крестьянским», В. С. Воропов тем не менее отметил его связи с искусством городских

слоев населения, проявившиеся отчасти уже в XVIII и полностью в XIX в.¹¹

В работах этнографов 20-х годов XX в. намечилось несколько разных направлений в исследовании орнамента вышивки. Е. Н. Клетнева в книге «Символика народных украс Смоленского края», содержащей интересный фактический материал, следовала концепции В. В. Стасова, хотя и подвергала критике некоторые его положения. По мнению Е. Н. Клетневой, русские и финские узоры восходят к единому источнику, которым являлась «культура Востока и иранская преимущественно»¹².

Других методологических принципов в изучении орнамента вышивки придерживался костромской этнограф В. И. Смирнов, изложивший их в предисловии к альбому Н. Калиткина «Орнамент шитья костромского полшубка»¹³. В поисках генетических корней орнаментальных мотивов он обратился к местному археологическому материалу, обнаружив в нем немало параллелей геометрическим элементам вышивки XIX в. В. И. Смирнов, как и В. С. Воронов, отметил различные «напластования» в орнаментике (полшубков) — наличие в ней древних геометрических узоров, более поздних мотивов растительного орнамента средневековья, а затем проникновение элементов барокко и классицизма.

Развернувшееся в 20-е годы этнографическое изучение русской народной одежды, особенно южнорусских областей страны, содействовало изучению орнамента вышивки и тканей.

Исследователи зафиксировали терминологию, технику, материал, основные мотивы орнамента, обогатив науку новыми данными¹⁴.

В работах 30-х годов XX в. заметно усилилось внимание к культовой значимости орнамента. Нельзя не учитывать возможной связи орнамента с религиозно-магическими представлениями, которые он имел в далеком прошлом, и сохране-

ние некоторых пережиточных явлений в XIX в. В частности, Н. П. Гриנקова весьма убедительно доказала культовое значение мотива руки в русском народном искусстве: вышивке и резьбе¹⁵.

Однако представители магической интерпретации орнамента несколько односторонне подходили к его трактовке, что вело к архаизации некоторых поздних явлений и забвению его эстетической значимости¹⁶. Попытка связать русскую вышивку с архаическими семантическими пучками и подвергнуть ее «палеонтологическому анализу» не дала плодотворных результатов¹⁷.

В послевоенный период началось активное изучение русского народного искусства, в том числе и орнамента вышивки. Развивая и уточняя положения В. А. Городцова, исследователи сделали немало для выявления генезиса и раскрытия семантики древних орнаментальных мотивов русской вышивки. Этому посвящены статья Б. А. Рыбакова «Древние элементы в русском народном творчестве»¹⁸ и статьи Л. А. Динцеса, особенно плодотворная деятельность которого приходится на 30—40-е годы¹⁹.

Л. А. Динцес рассматривал крестьянскую вышивку как явление изменяющееся, в котором наряду с образами, уходящими своими истоками в глубокую старину, существуют усвоение и переработка мотивов феодального искусства и заимствования извне. Последним он не придавал решающего значения, подчеркивая, что они определяются историческими условиями и мировоззрением народа. В статьях Л. А. Динцеса немало интересных исторических экскурсов, широких сравнений и смелых выводов. Но в ряде случаев Л. А. Динцес не смог отделить действительно архаические сюжеты культового значения от более поздних и иногда значительно искаженных.

В 50—60-е годы исследователи особое внимание обратили на неоднородность вышивки XVIII—XX вв., на необходи-

мость более четко дифференцировать архаические сюжеты и более поздние. Они стремились определить сюжеты вышивок во времени, т. е. выяснить их относительную и даже абсолютную хронологию²⁰. Критические замечания, сделанные в этой связи В. А. Городцову и Л. А. Динцесу, были вполне справедливы²¹.

Дифференциация архаических сюжетов и сюжетов жанровых явно более позднего характера при современной изученности вышивки стала вполне возможной. В 70-е годы в работах по изучению народного искусства, и в частности вышивки, все больше внимания уделяется раскрытию поэтической стороны образов народного искусства, для чего широко используются данные фольклора.

В советский период развилось и утвердилось изучение орнамента в качестве исторического источника. Яркими представителями этого направления являются советские ученые С. В. Иванов и В. И. Чернецов, исследовавшие орнамент народов Сибири²². В отношении орнамента русской вышивки эта точка зрения развивалась автором данной работы²³.

Вопрос об орнаменте как историческом источнике был поставлен на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, состоявшемся в 1964 г. в Москве. Были обсуждены многие теоретические и методологические вопросы, связанные с народным искусством, определена специфика искусствоведческого и этнографического аспектов исследования.

Цель этнографов и искусствоведов одина — всестороннее изучение народного искусства. Искусствоведы прежде всего интересуют художественная природа явления в историческом развитии; анализ художественного образа — один из главных моментов исследования. Этнографы интересуют этнические особенности, присущие народному искусству (в частности, и орнаменту), и отражение в нем историко-культурных взаимосвязей народов.

Этнографам, как было замечено, не чуждо изучение и эстетических норм искусства. Но они их изучают «с точки зрения тех национальных специфических норм, которые имеются у каждого народа и которые, как и всякие другие народные традиции, являются следствием определенных условий исторических и социальных»²⁴. В своих исследованиях этнографы не ограничиваются изучением техники, материала, терминологии, сюжета орнамента, их интересуют также его семантика, композиция и стиль.

Говоря об изучении орнамента русской вышивки в советский период, надо отметить четко проявившееся стремление к историзму, которое характеризует исследователей разного профиля, занимающихся орнаментом.

На этом уровне по сравнению с прошлым находятся методика изучения, сбор материала, его фиксация, научная обработка. Новыми в методике этнографических исследований орнамента являются применение картографирования и выявление количественных показателей в орнаменте. Исследователи, считая недостаточным метод визуальных наблюдений, применяют при анализе собранного массового материала статистический подсчет. Первый такой опыт с использованием счетно-вычислительных машин, примененный к вышивке Архангельской области, проведен на кафедре этнографии исторического факультета Московского государственного университета²⁵.

Также новым в методике этнографического изучения орнамента, его композиции является исследование на основе законов симметрии, изложенных в трудах А. В. Шубникова²⁶. Народы в процессе развития разработали свои виды и символы симметрии, и изучение их, бесспорно, может послужить также историческим источником²⁷. Впервые эта методика была применена С. В. Ивановым по отношению к орнаменту народов Сибири, а затем Г. И. Климовой к орнаменту коми²⁸.

Очень расширилась по сравнению с прошлым источниковедческая база исследований. Накопление музейных коллекций, полевых материалов о русской вышивке систематически проводилось и проводится музеями, научно-исследовательскими учреждениями.

Основными видами публикаций о русской вышивке являются статьи в журналах и сборниках и издания альбомного типа. Серия книг-альбомов, составленных Научно-исследовательским институтом художественной промышленности, явилась первым опытом изучения региональных особенностей русской вышивки²⁹. В 1972 г. вышел в свет альбом, посвященный русской народной вышивке в целом³⁰. Вышивке отведено место и в других изданиях альбомного типа³¹, а также в обобщающих трудах — многотомной «Истории русского искусства»³², в трехтомнике «Русское декоративное искусство»³³.

Успехи, достигнутые в изучении и публикации памятников других видов народного искусства, особенно резьбы и росписи по дереву, помогают выявить общие закономерности развития русского народного искусства XVIII—начала XX в. Работы археологов продвинули далеко вперед изучение ремесла и искусства Древней Руси.

Для исследования русского орнамента существенное значение имеют опубликованные труды по орнаментальному искусству других народов Советского Союза, с которыми русские связаны исторически³⁴. Новые материалы значительно расширили круг сравнительных данных, необходимых при анализе орнамента русской вышивки.

Несмотря на значительные достижения в изучении изобразительных сюжетов русской народной вышивки, многое в ней осталось невыясненным. Хотя исследователи уделяли большое внимание архаическим сюжетам, все их богатство выявлено еще не полностью. Антропоморфные изображения разнообразны и не ограничиваются образами богини со спутниками.

Кроме того, широко представлены другие сюжеты: животный и растительный мир, бытовые или жанровые сцены.

Все виды народного искусства органически связаны между собой, «одна и та же идея часто выражается в различных видах народного искусства»³⁵, поэтому автор стремился к комплексному изучению народной вышивки в сравнении с другими видами народного творчества и в связи с бытом и мировоззрением народа. В задачу входило рассмотрение вышивки в историческом плане — с учетом изменений, происходивших в ней в условиях изучаемого периода, в связи с социальной средой (вышивка крестьян и ремесленных и кустарно-промысловых центров, влияние на вышивку помещичьих и земских мастерских и т. д.).

В исследовании использован сравнительно-исторический метод. Применение его возможно в хронологическом плане (с использованием данных смежных наук) и в плане привлечения этнографических данных об орнаменте разных русских областей и других народов. Метод сравнительного изучения орнамента, открывающий большие перспективы для исследования, получил признание в этнографии. Его значение подчеркнул еще Л. Я. Штернберг: «Сравнение орнамента в пространственном отношении представляет такой же важный интерес, как сравнение его во времени»³⁶.

Орнамент может быть разным у соседних народов или распространен на широкой территории, охватывая целые континенты, в каждом конкретном случае исследователю предстоит решить, какого происхождения эта общность: типологическая, возникшая на основе сходства исторических и социальных условий, или генетическая — как следствие ранее существовавшей родственной близости и непосредственных контактов, или же результат культурных влияний.

Изучению «географии», т. е. распространенности на территории орнамента вы-

шивки, в работе отводится видное место. Составить четкое представление о локализации основных типов орнамента и выяснить связи их с определенными группами народа — одна из задач автора. Результаты ареальных исследований в сопоставлении с данными сравнительно-исторического анализа позволяют осветить некоторые вопросы взаимовлияний народов, отраженные в орнаментальном искусстве. Учет территориальной дифференциации характерен для методики современной этнографической науки. Он тесно связан с задачей создания обобщающих трудов и составления историко-этнографических атласов. И в настоящей работе он служит той же задаче — обобщению данных об орнаменте русской северной вышивки.

На основе систематизации массового материала выделяются характерные особенности вышивок отдельных областей. Принципом их группировки является не только близость сюжета, мотива, но и характер трактовки — стилистические приемы, при помощи которых выполнен орнамент. Значение имеют и такие признаки, как техника выполнения узора, его расцветка и материал. Таким образом, по возможности учитывается комплекс признаков, на основе которых возможно выделить локальные типы вышивки. Выработка типологии даст основание для определения ареалов орнамента. Однако и то и другое представляет существенные трудности, что связано с многообразием русского текстильного орнамента, сложностью исторических судеб разных групп народа, расселением его на обширной территории, а также с состоянием источников.

Источниками данной работы послужили главным образом коллекции музеев и полевые материалы автора, собранные им в течение нескольких лет. Обследованы наиболее обширные коллекции Государственного музея этнографии народов СССР, куда вошли в 1948 г. и фонды Музея народов СССР (Москва). Ценность коллекций Государственного музея этно-

графии народов СССР — в разнообразии вариантов вышивки (что важно при изучении ее орнамента) и в аннотациях к предметам. Просмотрены коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР, часть фонда вышивки Государственного Исторического музея, изучены фонды Музея народного искусства в Москве, Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника, областных и районных музеев Архангельска, Вологды, Череповца, Тотьмы, Великого Устюга, Сольвычегодска, Ярославля, Ростова (Ярославского), Рыбинска, Углича, Костромы, Калязина, Устюжны и др., а также Государственного музея этнографии Академии наук Эстонской ССР в Тарту. Автор выражает признательность сотрудникам всех музеев, содействовавших его работе над коллекциями. Особенно сотрудникам Музея антропологии и этнографии Академии наук и Государственного музея этнографии народов СССР.

Полевые материалы были собраны в Калининской обл. (б. Тверская губ.) в 1925, 1928—1929, 1934, 1937, 1945 гг. (у русских и карел); во Владимирской обл. — в 1927, 1951 гг.; в Ивановской обл. — в 1941—1943 гг.; в Ярославской обл. — в 1926, 1969, 1971 гг.; в Архангельской обл. (б. Олонецкая и Архангельская губернии) — в 1947—1949 гг.; в Карелии (б. Олонецкая губ.) — 1941, 1949 гг. (у русских, карел, вепсов); в Вологодской обл. — в 1966, 1970, 1971 гг.; в Новгородской обл. — в 1970 г.; в Смоленской обл. — в 1937 г.; в Калужской обл. — в 1945 г.; в Рязанской обл. (б. Рязанская и Тамбовская губернии) — в 1925, 1960, 1963 гг.; в Среднем Поволжье — в 1951 г.; в Московской обл. — в 1950—1951 гг.; в Приуралье и Кировской обл. (б. Пермская и Вятская губернии) — в 1954 г.

Зафиксированный материал составил основную базу исследования и позволил применить к некоторым орнаментальным мотивам картографический метод.

- ¹ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.—Л., 1963. с. 6.
- ² Южнорусская вышивка освещена в трудах: Шаховская С. Н. Узоры старинного шитья в России. М., 1885, вып. 1; Яковлева В. Я. Рязанская народная вышивка. М., 1959; она же. Калужская народная вышивка. М., 1959; Работнова И. П. Тамбовская вышивка. М., 1963; Попова И. А. Народная вышивка юго-западных районов Воронежской области. — «Труды НИИХП», 1972, вып. 3, с. 276—285; Бойкова Л. П. Тульская народная вышивка в собрании Загорского музея. — «Сообщения ЗГНХМЗ», 1960, вып. 3, с. 205—211; Богуславская И. Я. Русская народная вышивка. М., 1972.
- ³ Молотова Л. П. Н. Л. Шабельская и ее коллекция в Государственном музее этнографии народов СССР. — «Сообщения ГРМ», 1976, вып. XI, с. 168—173.
- ⁴ Стасов В. В. Русский народный орнамент, вып. 1. Шитье, ткани, кружева. СПб., 1872. с. XX.
- ⁵ Там же, с. XII.
- ⁶ Шаховская С. Н. Узоры старинного шитья в России; Сидамон-Эристов В. П., Шабельская И. П. Собрание русской старицы, вып. 1. Вышивки и кружева. М., 1910.
- ⁷ Шаховская С. Н. Узоры старинного шитья в России, с. 1—5.
- ⁸ Sidamon-Eristoff A., Chabelskja N. The Peasant Art of Great Russia. The Studio. London—Paris—New York, MCMXII.
- ⁹ Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1883, вып. X; Кустарная промышленность России, т. 1. СПб., 1913; Кустарные промыслы, Статистический сборник по Ярославской губ. Ярославль, 1904, вып. 14; Арсеньев Ф. А. Очерк кустарных промыслов по изделиям, собранным Вологодским губернским земством. Вологда, 1882; Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России, т. II. СПб., 1894; т. IV, 1897; Горбунова М. К. Женские промыслы Московской губернии. М., 1882, вып. IV.
- ¹⁰ Городцов В. А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. — «Труды ГИМ», 1926, вып. 1.
- ¹¹ Воронов В. С. О крестьянском искусстве. — Избранные труды. М., 1972. с. 103—106.
- ¹² Клетиева Е. И. Символика народных украшений Смоленского края. Смоленск, 1924, с. 18.
- ¹³ Калишкин Н. Орнамент шитья костромского полушубка. Кострома, 1926, с. 1—7.
- ¹⁴ Куфтин Б. А. Материальная культура русской Мещеры, ч. 1. М., 1926; Лебедева Н. И. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки, ч. 1. М., 1927; Шереметьева М. Е. Крестьянская одежда калужской Гамаюнщины. Калуга, 1925; она же. Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. Калуга, 1929; Гришкова И. П. Одежда юго-западной части Калужской губернии. Материалы по этнографии, т. III. Л., 1927, вып. 2, с. 17—36; она же. Одежда бухтарминских старообрядцев. Материалы Комиссии экспедиционных исследований, серия Казахская. — В кн.: Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930, с. 313—396; Бломквист Е. Л. Искусство бухтарминских старообрядцев. — В кн.: Бухтарминские старообрядцы, с. 397—433.
- ¹⁵ Гришкова И. П. Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике. — СЭ, 1935, № 1, с. 60—89.
- ¹⁶ Окладников А. П. К вопросу о происхождении искусства. (В связи с критикой взглядов И. Я. Марра на первобытное искусство). — СЭ, 1952, № 2, с. 3—22.
- ¹⁷ Динцес Л. А. Изучение русского народного искусства и наследие И. Я. Марра. — «Краткие сообщения ИИМК», 1946, XII, с. 141—152; Гришкова И. П. Термины вышивания в русских диалектах. — Учен. зап. Ленинградск. пед. ин-та им. А. Н. Герцена, 1939, т. XX, с. 173—192. Фактический материал, имеющийся в последней статье, ценен.
- ¹⁸ Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве (жепское божество и всадники). — СЭ, 1948, № 1, с. 90—106.
- ¹⁹ Динцес Л., Большева К. Народные художественные ремесла Ленинградской области. — СЭ, 1939, № 2, с. 104—148; Динцес Л. А. Историческая общность русского и украинского народного искусства. — СЭ, 1941, № 5, с. 21—58; он же. Восточные мотивы в русском народном искусстве Новгородского края. — СЭ, 1946, № 3, с. 93—112; он же. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства. — СЭ, 1947, № 2, с. 67—94; он же. Изображение змееборца в русском народном шитье. — СЭ, 1948, № 4, с. 36—53; он же. О методе изучения и планирования экспозиции народного искусства в Государственном Русском музее. — «Сообщения ГРМ», 1976, вып. XI, с. 181—189.
- ²⁰ Богуславская И. Я. О трансформации орнаментальных мотивов, связанных с древней мифологией в русской народной вышивке. М., 1964; Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. — СА, 1966, № 1, с. 61—76; он же. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с ключками». — СА, 1965, № 3, с. 14—27.
- ²¹ Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивки..., с. 75.
- ²² Иванов С. В. Орнамент народов Сибири...; он же. Орнамент. Историко-этнографический атлас Сибири. М., 1961, с. 369—434. Черне-

- цов В. П. Орнамент лепточного типа у обских угров. — СЭ, 1948, № 1, с. 139—152.
- ²³ Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карелов. М., 1951 (в книге рассматривается частично и русская вышивка); она же. Северодвинская золотошвейная вышивка. — МАЭ, 1972, т. XXVIII, с. 32—61; она же. Орнамент русской народной вышивки как исторический источник. — СЭ, 1975, № 3, с. 34—44.
- ²⁴ Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 7. М., 1970, с. 360—361, 377.
- ²⁵ Грозов Г. Г., Деоник Д. В., Плющев В. П. Применение метода количественного анализа орнаментальных образов русской народной вышивки. — «Вестник Московского университета», 1971, № 4, с. 69—97.
- ²⁶ Шубников А. В., Копчик В. А. Симметрия в науке и искусстве. М., 1972.
- ²⁷ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири... с. 36.
- ²⁸ Климова Г. Н. Текстильный орнамент коми. Автореф. дис. Л., 1973.
- ²⁹ См., например: Яковлева В. Я. Архангельская народная вышивка. М., 1954; она же. Вологодская и ярославская народная вышивка. М., 1955; она же. Новгородская и псковская народная вышивка. М., 1954; она же. Калининская народная вышивка. М., 1955.
- ³⁰ Богуславская И. Я. Русская народная вышивка.
- ³¹ Богуславская И. Я. Русское народное искусство. Л., 1968; Попова О. С. Русское народное искусство. М., 1972.
- ³² История русского искусства, т. VII. М., 1961; т. VIII, кн. 2. М., 1964.
- ³³ Русское декоративное искусство, т. II. М., 1963; т. III, 1966.
- ³⁴ Українське народне мистецтво. Тканини та вишивки. Київ, 1960; Нариси з історії українського декоративно-прикладного мистецтва. Львів, 1969; Беларускі народны арнамент. Мінск, 1953; Линнус Х. Вышивка в эстонском народном искусстве, ч. I. Северная Эстония и острова. Таллин, 1955; ч. II. Западная и Южная Эстония. Таллин, 1973; Королева Н. С. Вышивка народов Поволжья и Прикамья. М., 1960; Никитин Г. А., Крюкова Т. А. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960; она же. Марийская вышивка. Л., 1932; она же. Мордовское изобразительное народное искусство. Саранск, 1968; она же. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск—Ленинград, 1973; Народное искусство башкир. Л., 1968; Чепурина П. Я. Орнаментное шитье Крыма. М., 1928; Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. М., 1968; Жданко Т. А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 3. М., 1958, с. 373—410; Чепелевская Г. Л. Сузани Узбекистана. Ташкент, 1961; Азербайджанские вышивки. М., 1971; Хохов А. З., Берландина К. А. Осетинский народный орнамент. Дзауджикау, 1948; см. также работы С. В. Иванова и В. Н. Чернецова по орнаменту народов Севера.
- ³⁵ Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 422.
- ³⁶ Штернберг Л. Я. Орнамент из оленьего волоса и пгл дикобраза. — СЭ, 1931, № 3-4, с. 104 (статья была написана в 1909 г.).

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ ПРЕДМЕТЫ И ИХ РОЛЬ В БЫТУ

Украшению текстильных бытовых предметов уделялось большое внимание как в крестьянской, так и в городской среде. Вышивка украшала русский традиционный костюм XVIII—начала XX в. Крестьянки вышивали женские и мужские рубахи, передники (*занавеска, запон*), юбки (*подолы*), иногда сарафаны, а в южнорусских областях — поневы и пагрудники (*навершник, шушпан*) (рис. 1, 2).

Повсюду особо украшали головной убор замужних женщин (*сороку, кокошник*) и девичьи уборы (*ленты, перевязки, чёлки, косники*), а также косынки и платки (рис. 3—5). На Севере были распространены вышитые шейные украшения в виде воротника — *наборушники* и в виде полосы ткани, обвивавшей шею, — *голуца*.

Украшали вышивкой верхнюю (выходную, праздничную) одежду из сукна или овчины. В некоторых местах вышивали *зарукавья* — паручники, рукавицы, перчатки и даже обувь (матерчатую и кожаную). Пояс чаще ткали, но были и матерчатые вышитые пояса.

В зависимости от назначения, размеров, формы, материала, покроя менялись характер вышивки, ее композиция, техника.

Изменение характера вышивки в зависимости от функций предмета хорошо отражают украшения крестьянских головных уборов XIX—начала XX в. Среди русских Тверской губ., где в некоторых местах сохранялся традиционный костюм

еще в начале XX в.¹, свадебную сороку — *золотоломку* молодая жепщина носила лишь два-три года, надевая в самые большие календарные и семейные праздники. Количество украшений, качество материала, узор очелья менялись в зависимости от того, предназначалась ли сорока для большого праздника или для будней, для ношения в великий пост, для послеродового периода.

Сороки пожилых, а тем более старых женщин заметно отличались: количество блесток, позумента, золотых или серебряных нитей уменьшалось соответственно возрасту. Очелья старушечьих сорок вышивали шерстью (*жицей*) косым стежком, без просветов фона. Эта вышивка называлась *плотной, плотнѳшкой, шитѳхой*. Белым цветом ткани и вышивки отличались *горевѳе* сороки, которые носили «по горю» вдовы в периоды траура.

Вышивка (и украшения в целом) павершника, поневы в южных губерниях также отражала переходы из одного возраста в другой и семейное положение крестьянской женщины². Рубаху также, в зависимости от ее назначения, украшали по-разному: обычно лишь по плечевым вставкам — *мышкам* (отсюда ее название *мышница*); в праздничных рубахах молодых женщин узором покрывали весь рукав (она называлась *порукавной*); рубаха *подольница* отличалась широкой вышивкой по подолу³. Подольницы обычно предназначались для особого вида работ: по-